

Александр Грин

Барка на Зеленом канале

Александр Грин
Барка на Зеленом канале

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=270842

Аннотация

Рассеянный доктор заблудился и попал в рискованное приключение.

© *FantLab.ru*

Содержание

I	4
II	8
III	11

Александр Степанович Грин Барка на Зеленом канале

I

– Выходя из дома, никогда не знаешь наверное, чем это может закончиться. А если вы, вдобавок, еще рассеянны, то совсем плохо. Тысячи случайностей подстерегут вас в самых разнообразных местах, и бывает иногда – довольно одной из них, чтобы поставить человека в такое положение, где его глубокомыслие и соображение потерпят фиаско, если, в свою очередь, новый случай не уничтожит силу первого случая. Этот несложный вывод, не записанный даже ни в одной из гимназических прописей, дается иногда такую цену, что усилия, потраченные, скажем, на открытие Америки, покажутся, сравнительно с этим, – плохо сделанной фальшивой монетой. И вот что расскажу я, сидящий перед вами на этом потертом стуле...

Доктор остановился. Переход от вступления (у него была скверная привычка делать плохие вступления) к самому рассказу был для него всегда несколько затруднителен. Может быть, будучи в душе художником, он угадывал, какое огром-

ное значение имеет удачно сказанное начало? На этот раз мы ждали ровно минуту.

– Лет восемь назад, – сказал доктор, переходя в серьезный тон, – я возвращался глубокой ночью от одного больного домой и был погружен в размышления о только что произведенной мною операции. Мне казалось, что я наложил шов не совсем удачно; это могло повлечь вздутие вен. Хирургия поглощала меня; я перешел мысленно к труднейшим операциям, виденным мной, восхищаясь ловкостью знаменитых профессоров.

Я так углубился в воспоминания и мечты, – профессиональные мечты, милостивые государи, – что не заметил, как очутился в неизвестной мне части города.

Подняв голову, я пытался определить место.

Кругом меня скрещивались и расходились темные, вонючие улицы, застроенные фабриками, трактирами, слепыми домами, с окнами, наглухо заколоченными досками. Редкие фонари тускло освещали панель, глухое молчание царило в тьме переулков, и я был единственный прохожий, шаркающий калошами по неровным, облитым жидкой осенней грязью плитам узкого тротуара. Я остановился, повернул влево, но тут же сообразил, что, куда бы я ни пошел, у меня не будет твердой уверенности в правильности взятого направления. Оставалось подождать, пока не пройдет кто-нибудь и не скажет, где нахожусь я, или бродить наугад.

Я выбрал последнее. Пройдя с десяток кварталов, причем

все они были, как лица в толпе, до странности похожи один на другой и пустынные, как воздух, я услышал стон, тихий, протяжный стон боли.

Несколько секунд я вслушивался, стараясь определить, откуда идут звуки; затем, сильно встревоженный и обеспокоенный, пошел в направлении стога, который, то ослабевая, то усиливаясь, болезненно резал слух.

И вот, представьте себе угрюмый мрак городских окраин, сырой воздух ночи, грязную мостовую и среди всего этого – молодую, не более семнадцати лет, девушку, лежащую навзничь. Она делала усилия подняться, опираясь ладонями о скользкие булыжники, и снова бессильно опускалась с душой раздирающим стоном.

Я стал возле нее на колени, вынул коробочку восковых спичек и осветил лицо женщины. Проживу ли я еще двадцать или тысячу лет, – я не забуду этого лица так же, как не могу забыть, что я доктор. Это был счастливый мгновенный сон; не отрываясь, как пораженный столбняком, смотрел я на редкую красоту этой девушки, и спичка обожгла мне пальцы прежде, чем я успел бросить ее. Маленькая, хрупкая, она была похожа на переодетую принцессу. Большие голубые глаза, изящество рта, ноздрей, овал лица, растрепанные, как золотая пряжа, волосы – все это показалось мне настоящим сном, так что я ущипнул себя за руку. Но рука заныла, а стон девушки окончательно убедил меня в реальности происшествия.

– Что с вами? – спросил я.

– Я живу недалеко отсюда, – сказала она, прерывая себя стонами и всхлипываниями, – я возвращалась домой и попала под автомобиль. Меня переехали, но, несмотря на мои крики, негодяи даже не остановились и умчались. Я лежу с полчаса, ни один прохожий не показывался поблизости. Я не могу встать и боюсь, не сломана ли у меня нога.

– Держитесь за меня, – сказал я, подставляя плечо.

Она ухватилась за него, а я приподнял ее и поставил на ноги. Но лишь ее подошвы коснулись земли, как она с криком села на мостовую.

– Не могу, – печально произнесла девушка, – у меня, должно быть, все сломано. Оставьте меня!

– Где вы живете?

– На Зеленем канале. Я и отец. Он барочник и недавно пришел с грузом.

– Послушайте, – сказал я, охваченный нежной жалостью и восторгом, – позвольте мне донести вас. Я силен, это не затруднит меня. А вы показывайте мне дорогу.

Не откладывая в долгий ящик, я взял ее на руки, как ребенка, и понес, шагая возбужденными, быстрыми шагами.

II

Я был молод, поэтому, надеюсь, каждый охотно простит мне то удовольствие, с каким я прижимал к себе прелестную, бедно одетую девушку, поднятую среди ночи на мостовой.

Естественно, что я был в своих глазах рыцарем. Я не чувствовал тяжести: бледная головка покоилась на моем плече, а теплые гибкие руки охватывали шею, заставляя сердце биться скорее, чем всегда. Она стонала, но меньше, изредка указывая нужное направление. Подвигаясь таким образом, мы выбрались на туманный темный берег городского канала, прорезающего кольцом окраины города. Здесь мне в первый раз показалось нужным спросить, как зовут мою новую знакомую, что я и сделал.

– Лина, – сказала она, пытаясь улыбнуться.

Я начинал уставать. Черные силуэты барок тянулись вдоль берега. Я брел, спотыкаясь о доски и комья глины. Наконец, Лина сказала:

– Здесь. Стойте. Видите наклонную доску? Это – сходня. Идите по ней, только осторожно, чтобы не упасть в воду.

Доска скрипела и колебалась под моими ногами. Я сошел на палубу барки и закричал, чувствуя, что руки мои деревянные:

– Эй, кто-нибудь!

Мой голос замер в шуме и свисте ветра. Я ударил ногой

в наглухо закрытый люк, подождал и прислушался. Неясный скрип раздался под моими ногами.

– Это идет отец, – слабым голосом произнесла Лина, – сойдите с люка.

Я отошел в сторону, и в тот же момент люк приподнялся, освещенный изнутри огнем маленького фонаря. Фонарь держал мужчина лет сорока, с суровым, но благообразным выражением лица, одетый в клеенчатый костюм и такую же шапку. Он приподнимал люк, тщательно осматривая меня.

– Ваша дочь, сударь, – сказал я, – здесь и нуждается в помощи.

– А! – вскричал барочник. – Хорошо, сударь, давайте ее мне, я положу ее у себя в каюте. Дрянная девчонка! Ты у меня добегаешься до того, что тебе свернут голову! Что с ней?

Рассказывая, я передавал в то же время неподвижно лежащую девушку в руки отца. Он быстро схватил ее, сбежал вниз, повозился там несколько минут и вернулся наверх.

– Пожалуйте! – сказал он. – Сойдите, вам следует обогреться; к тому же в таких случаях не благодарят людей, оставляя их на улице.

Он посторонился, пропуская меня, и я, спускаясь по трапу, случайно посмотрел в его круглые серые глаза. Они смотрели на меня как-то особенно; усиленное внимание к моим движениям чувствовалось в их неподвижности. Потом сильный удар в голову свалил меня с ног; я вскрикнул и потерял

сознание.

III

Когда я очнулся, первым ощущением была боль в голове и сильный холод.

Я лежал навзничь, голый, и стучал зубами от холода. Лина, барка, человек в клеенчатой шляпе – быстро пронеслись и исчезли. Я выпустил град проклятий и, пошатываясь, встал на ноги. Затем двинулся, ощупывая свою тюрьму. Запах соломы и гниющего дерева наполнял затхлый воздух, которым дышал я. Ощупав стенки, я без труда пришел к заключению, что действительно нахожусь в небольшой, тесной части трюма, похожей формою на ящик с выпуклыми боками.

Чувства, которые я тогда пережил, были очень разнообразны. Главным образом, – я краснел в темноте, вспоминая, как ловко одурачен мошенниками. Я проклинал судьбу, барабанил ногами в пол и стены, но мертвая тишина была мне ответом. Лишь иногда легкое поскрипывание руля да шорох ветра напоминали мне, что я отделен от свободного пространства какими-нибудь двумя дюймами дерева. Пока я пытался собрать воедино мысли и прийти к какому-нибудь заключению относительно ближайшего будущего, – новый резкий звук поразил меня и наполнил ужасом, от которого я затрясся и закричал, как ребенок. В мою коробку вливалась вода; невидимой бьющей струей падала она у моих ног, обдавая тело холодными брызгами. В несколько секунд она достиг-

ла моих колен и продолжала подниматься все выше, сжимая голую кожу ощущением страха и холода. Итак, мне суждено было утонуть здесь, подобно мыши, попавшей в банку с водой. Не помня себя от ужаса, я бросился искать отверстие, пропускавшее воду, и скоро коснулся струи, толщиной, по крайней мере, в один обхват; она была из невидимого прохода на высоте моих глаз. Не думая и не соображая, я бросился в эту струю, пытаюсь пролезть наружу, но силой воды меня отбросило, как щепку. Нечего было и думать об этом. Тогда, барахтаясь по пояс в воде, я решил так: лягу на спину и поднимусь вместе с водой до потолка; если трюм останется свободным у потолка хотя бы на один дюйм, я смогу продышать несколько времени. Что будет потом, об этом я не думал, да и не было времени; конечно, даже и в этом случае я должен был задохнуться от недостатка воздуха, но когда смерть неизбежна, – так важно прожить хотя бы несколько лишних минут.

Вода оглушала меня: ее стремительный шум и плеск звучали в тесноте трюма подобно тысяче барабанов. Я лег на спину; время, казалось, остановило свой бег, и те, вероятно, немногие минуты, которые прошли, пока пальцы моих ног не встретили потолка, показались мне столетиями тоски и ужаса. Вода медленно поднимала меня кверху; наконец, я толкнулся сразу лбом, коленями и руками в липкий шероховатый потолок. Я был как бы зажат в огромном прессе, верхняя часть которого была твердой, а нижняя – холодной

и жидкой. Шум прекратился. Один звук наполнял воду, – я говорю: воду потому, что почти уже не оставалось воздуха, – стук моего сердца. И вдруг разом исчезло небольшое пространство между водой и потолком, – пространство, в котором я вытягивал губы, ловя крошки воздуха. Я весь был в воде.

Потом, неделю спустя, я, вспоминая это ужасное приключение, понял, что такое – инстинкт. Совершенно не размышляя, двигаемый безумным страхом, задыхаясь в водяном мраке, – я нырнул, ухватился руками за края отверстия, через которое трюм наполнялся водой, судорожно протиснулся в него и, почти теряя сознание, вынырнул на поверхность канала. Барка угрюмо чернела рядом. Хозяева ее, устраивая водяную ловушку, конечно, не могли предвидеть того, что произошло со мной. Я спасся только благодаря тому, что не лишился чувств в момент наполнения водой трюма. Но это бывает не со всяким.

Осмотревшись, я выплыл к противоположному берегу.

– А потом? – спросил кто-то.

– Потом? – сказал доктор, и лицо его стало задумчивым. –

Потом, конечно, нашлись люди, давшие мне одежду и доставившие меня домой.

– А барка?

– Полиция не нашла той барки. Да и было темно, когда я принес девушку. Все барки похожи одна на другую.

– А Лина?

– Лина? Вот, представьте себе: я все-таки с удовольствием вспоминаю, как нес эту маленькую злодейку. И нет у меня к ней враждебного чувства. Противоположности человеческой природы, милостивые государи!